

И. А. БУНИН.

Соотечественники!

Наш вечер посвящен миссии русской эмиграции. Мы эмигранты. Слово «emigrants» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причиной, в силу которой мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторой поры в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину.

МИССИЯ — это звучит возвышенно. Но мы и взяли это слово вполне сознательно, памятуя его точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: миссия есть власть, данная делегату идти делать что-нибудь. А делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употреблять такие, почти торжественные слова в применении к нам? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то? Цель нашего вечера — напомнить, что не только можно, но должно. Некоторые из нас глубоко устали и, быть может, готовы под разными злостными влияниями разочаровываться в том деле, которому они так или иначе служили, готовы назвать свое пребывание на чужбине никчемным или даже зазорным. Наша цель — твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас.

Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключение из этого числа — десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые, будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть, однако, их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас; остается все-таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает полное право пользоваться высоким языком. Но численность наша — еще далеко не все. Есть еще нечто, присваивает нам некое назначение. Ибо это нечто заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшегося. Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было бы сказать, что легла на нас миссия немого указания: «Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллионы из числа русских душ, свидетельствующих, что не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков: перед тобой миллионы

Печатается с небольшими сокращениями.

душ, облаченных в глубокий траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их, дано было оставить дома, гробы сейчас, часто поруганные, оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенных и замученных, лишиться всяческого человеческого благополучия, испытать врага столь подлого и свирепого, что нет имени его подлости и свирепству, мучиться всеми казнями египетскими в своем отступлении перед ним, воспринять все мыслимые унижения, заушения на путях чужеземного скитальчества. Взгляни, мир, и узнай, что пишется в твоих летописях одна из самых черных и, может быть, роковых для тебя страниц!»

Так было бы, говорю я, если бы мы были просто огромной массой беженцев, только одним своим наличием вопиющих против содеянного в России, — были, по прекрасному выражению одного русского писателя, ивиковыми журавлями, разлетевшимися по всему поднебесью, чтобы сви-

детельствовать против московских убийц. Однако это не все: русская эмиграция имеет право сказать о себе гораздо больше. Сотни тысяч из нашей среды восстали вполне сознательно и действительно против врага, ныне столицу имеющего в России, но притязающего на мировое владычество, сотни тысяч противодействовали ему всячески, в полную меру своих сил, многими смертями запечатлели свое противоборство — и еще неизвестно, что было бы в Европе, если бы не было этого противоборства. В чем наша миссия, чьи мы делегаты? Поистине, действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего, Божеского образа и подобия. И еще от имени России, не той, что продала Христа за тридцать сребренников, за разрушение, за грабег и убийство и погрязла в мерзости всяческого злодеяния и всяческой нравственной проказы, а России другой — подъяремной, страдающей, но все еще до конца не покоренной. Мир отвернулся от этой страдающей России, он только порою уподоблялся тому римскому солдату, который поднес к губам Распятия Господа губку с уксусом. Европа мгновенно задавила большевизм в Венгрии, не пускает Габсбургов в Австрию, Вильгельма в Гер-

манию. Но когда дело идет о России, она тотчас вспоминает правило о невмешательстве во внутренние дела соседа и спокойно смотрит на русские «внутренние дела», то есть на шестилетний погром, дрящущийся в России, и вот дошла даже до того, что узаконяет этот погром. И вновь и вновь исполнилось таким образом слово Писания: «Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь коров тучных, сами же от того не станут тучнее... И темнота покроет землю и мрак народы... И лицо поколения будет собачье...».

Но тем важнее миссия русской эмиграции.

Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Падение России ничем не оправдывается. Неизбежна была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все эти недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях. «Революция была неизбежна, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему господину и вообще к господам». Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши, Литвы? Или там не было барина, нет недостатка в земле и вообще всяческого неравенства? И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным «обилием» крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано, и как, и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе, и знамя их было и есть интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру взамен древних божественных уставов нечто новое и дьявольское.

БЫЛА Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный благопочтением, памятью о прошлом и

ных «самосудов». А что было затем? Было величайшее в мире попрание и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшееся с убийства Духонина и «похабного» мира в Бресте и докатившегося до людоедства. Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского дикаря и весь мир призывал в грязь втоптать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и Каину, учить «семь заповедей Ленина». И дикарь все дробил, все топтал и даже дерзнул на то, чего ужаснулся бы сам дьявол: он вторгся в самую Святыню Святых своей Родины, в место того страшного и благословенного таинства, где века почивал величайший Зиждитель и Заступник ее, коснулся раки Преподобного Сергия, гроба, перед коим веками повергались целые сонмы русских душ и самые высокие мгновения их земного существования.

Боже! И вот к этому самому дикарю должен идти я на поклонение и служение? Это он будет хозяином всея новой Руси, осуществившим свои «заветные чаяния» за счет соседа, зарезанного из-за полдесятины лишней «земельки»? В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводел слова великого русского историка Ключевского: «Конец Русского государства будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Еро Лавры». Великие слова, ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты, и лампы погашены. Но без этих лампад не бывает русской земле — и нельзя, преступно слухить ее тьме.

Да, колеблются устои всего мира, и уже представляется возможным, что мир не двинется с места, если бы был выкинут самый Гроб Господен: ведь московский Антихрист уже мечтает о своем узаконении даже самим римским наместником Христа. Мир одержим еще небывалой жадой корысти и равнением на толпу, снова уподобляясь Тиру и Сидону, Содому и

Иван БУНИН

МИССИЯ

РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

(Речь, произнесенная
в Париже
16 февраля
1924 года)

всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, во веки непоправимы. И кошмар этот, повторяю, тем ужаснее, чем он даже всячески прославляется, возводится в перл создания и годами длится при полном попустительстве всего мира, который уж давно должен был бы крестовым походом идти на Москву.

Что произошло? Как ни безумна была революция во времена великой войны, огромное число будущих белых ратников и эмигрантов приняло ее. Новый домоправитель оказался ужасным по своей всяческой негодности, однако чуть не все мы грудью защищали его. Но Россия, поджигаемая «планетарным» злодеем, возводящим разнузданную власть черни и все самые низкие свойства ее истины в религию, Россия уже сошла с ума — сам министр-президент на московском совещании в августе 17-го года заявил, что уже зарегистрировано — только зарегистрировано! — десять тысяч зверских и бессмысленных народ-

Гоморре. Тир и Сидон ради торгашества ничем не побрезгуют, Содом и Гоморра ради похоти ни в чем не постесняются. Все растущая в числе и все выше поднимающая голову толпа сгорает от страсти к наслаждению, от зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждущие покупателя) ослепляют ее блеском мирового базара, другие (жаждущие власти) — разжиганием ее зависти.

Как приобрести власть над толпой, как прославиться на весь Тир, на всю Гоморру, как войти в бывший царский дворец или хотя бы увенчаться венцом борца якобы за благо народа? Надо дурачить толпу, а иногда и самого себя, свою совесть, надо покупать расположение толпы угодничеством ей. И вот образовалась в мире уже целое полчище провозвестников «новой жизни», взявших мировую привилегию, концессию на предмет устроения человеческого блага, будто бы всеобщего и будто бы равного.

